

Глава 1

В глазах сэра Уолдо сверкнули лукавые искорки, когда он насмешливым взглядом окинул лица собравшихся родственников, но голос его прозвучал с подчеркнутой серьезностью, и в нем даже проскользнули извиняющиеся нотки.

— Боюсь, это правда, сударыня, — обратился он к своей тетке Софии. — *Я и есть* наследник.

Поскольку вопрос, с таким негодованием заданный леди Линдетт, носил исключительно риторический характер, столь откровенное и мужественное признание никого не удивило. Все они прекрасно знали, что старый кузен Джозеф Калвер оставил свое состояние Уолдо; леди же Линдетт, потребовав от него объяснений, действовала под влиянием минутного порыва, ничуть, в сущности, не рассчитывая, что он станет все отрицать. Не питала она надежды и на то, что Уолдо откажется от полученного наследства в пользу ее единственного сына. Разумеется, она полагала, что более достойного наследника эксцентричного кузена Джозефа, нежели Джулиан, попросту не существует, и потому приложила все силы к тому, дабы представить ему благородного сироту, и даже отважилась на то, чтобы целую неделю сносить тяготы пребывания в Харрогейте.

В ту пору Джулиан был очаровательным малышом в коротеньких штанишках и рубашонке с отложным воротничком, а сама она пыталась (хотя и безуспешно) получить доступ

в Брум-Холл. Три раза она приезжала с визитом из Харрогейта, сопровождаемая откровенно скучающим, но послушным малышом, и только для того, чтобы дворецкий кузена Джозефа дважды сообщил ей, будто хозяин чувствует себя недостаточно хорошо, чтобы принимать посетителей, а в последний раз вообще заявил, что хозяин был бы ей признателен, если бы она перестала докучать ему, поскольку у него нет ни малейшего желания видиться ни с нею, ни с ее сыном, ни с кем-либо еще. В ходе дальнейших расспросов выяснилось, что единственным человеком, которого беспрепятственно пускали в поместье, был доктор. Мнения же аборигенов разделились: одни доброжелательно полагали, что грубость и нелюдимость престарелого соседа объясняются неким разочарованием, кое ему довелось испытать в юности; другие же уверяли, что он сущий скряга, трясущийся над каждым пенни, с которым вынужден был расстаться. Имея возможность своими глазами оценить небрежение и запущенность, в коем пребывало поместье Брум-Холл, леди Линдетт была склонна присоединиться к последним. Подозрение, что кузен вовсе не так состоятелен, как предполагалось, рассеялось, едва возникнув: особняк Брум-Холл, хотя и уступал в роскоши и размерах родовому поместью молодого лорда Линдетта в Мидлендсе¹, отличался несомненной респектабельностью и насчитывал никак не менее тридцати спален. Не располагая парком, он тем не менее был окружен обширными садами; из совершенно надежного источника ей было точно известно, что бо́льшая часть земель по-прежнему принадлежала поместью. Из Харрогейта миледи уезжала в твердом убеждении, что состояние кузена Джозефа было намного

---

¹ Мидлендс — Центральные графства Англии. (Здесь и далее примеч. пер.)

внушительнее предполагаемого. Нет, она нисколько ему не завидовала, но сочла бы себя недостойной родительницей, если бы не попыталась все сделать для того, чтобы оно досталось ее сыну. Посему она постаралась забыть об оказанном ей неласковом приеме и все последующие годы неизменно присылала Джозефу скромные подарки на Рождество, а время от времени даже писала ему, заботливо осведомляясь о его здоровье и повествуя о многочисленных добродетелях, красоте и школьных успехах Джулиана. И вот, после всех ее хлопот, он оставил все свое состояние Уолдо, который не был не только первым по старшинству из его родственников, но даже не носил его фамилии!

Старшим же из троих двоюродных братьев, собравшихся в гостиной леди Линдетт, был Джордж Уингем, сын старшей сестры ее милости. Человеком он был весьма достойным, хотя и, в некотором смысле, скучным и неинтересным; она его не особенно жаловала, но при этом полагала, что смирилась бы, сделай кузен Джозеф своим наследником именно его, так как вынуждена была признать, что его первенство давало ему некоторые права на наследство. Хотя, разумеется, не такие весомые, как у Лоуренса Калвера. Леди Линдетт относилась к Лоуренсу, младшему из своих племянников, с презрением и неприязнью, но поскольку, как она надеялась, ее считают женщиной справедливой и беспристрастной, то убеждала себя, что с хладнокровной невозмутимостью восприняла бы получение им наследства, которое он непременно промотал бы в самом ближайшем будущем.

Однако известие о том, что кузен Джозеф, презрев права Джорджа, Лоуренса и ее ненаглядного Джулиана, назвал своим наследником Уолдо Хоукриджа, привело ее в негодование, едва не вызвавшее у нее судороги. На какое-то мгновение она лишилась дара речи; когда же к ней вернулась

способность изъясняться членораздельно, она сумела выговорить лишь имя Уолдо, но в голосе ее прозвучала такая буря чувств и эмоций, что Джулиан, который и сообщил ей новости, был поражен в самое сердце.

— Но, мама, — запротестовал он, — тебе же *нравится* Уолдо!

Это правда, однако к делу решительно никакого отношения не имеет, сердито заявила она сыну. Собственно, она и впрямь была очень привязана к Уолдо, но ни ее симпатия к нему, ни благодарность за его бесконечную доброту к Джулиану не мешали ей буквально впадать в отчаяние, стоило ей подумать о его огромном состоянии. Узнав о том, что поместье кузена Джозефа должно увеличить его и без того колоссальное богатство, она преисполнилась к нему таким отвращением, что на несколько минут поистине возненавидела его.

Миледи сварливо заявила:

— Не представляю, что заставило этого гадкого старика выбрать своим наследником тебя!

— Я и сам положительно теряюсь в догадках, — сочувственно отозвался сэр Уолдо.

— Я не верю, что ты хотя бы один-единственный раз *виделся* с ним!

— Чего не было, того не было.

— Что ж, должен признать, — вмешался в разговор Джордж, — поступок и впрямь странный. Думаю, что... Впрочем, ни у кого из нас не может быть к старику ни малейших претензий, и я совершенно уверен, что он имел полное право распорядиться своими деньгами по собственному усмотрению!

При этих его словах Лоуренс Калвер, небрежно развалившийся на диване и вертевший в пальцах вычурный лорнет, выпустил его из рук и резко выпрямился, сердито воскликнув:

— Это *у тебя* не может быть к нему претензий, или у Уолдо, или у Линдетта! Но я-то — Калвер! И потому полагаю его поступок *чертовски* оскорбительным!

— Очень может быть! — набросилась на него тетка. — Но будь добр следить за своим языком в моем присутствии, пожалуйста!

Покраснев, он пробормотал извинения, но заслуженный упрек отнюдь не улучшил его расположения духа, и Лоуренс разразился длинной и бессвязной речью, поминая все собственные мнимые и всамделишные обиды, недоброжелательство Джозефа Калвера и несомненное двуличие Уолдо Хоукриджа.

Вплоть до вмешательства Джорджа Уингема собравшиеся внимали ему в гробовом молчании. Правда, его завуалированные намеки на недостойное поведение сэра Уолдо вызвали сердитый огонек в глазах лорда Линдетта, но юноша ограничился тем, что сердито поджал губы. Лоуренс всегда завидовал Уолдо: об этом знали все; так что его попытки перещегоолять кузена выглядели попросту нелепо. Уступая Уолдо в возрасте, он не обладал ни одним из тех достоинств, коими природа столь щедро одарила кузена. Не сумев преуспеть ни в одном из видов спорта, успехи в которых и обеспечили Уолдо его титул Непревзойденного, Лоуренс в последнее время обратил свои взоры на щеголей-денди, сменив строгий наряд любителя активного времяпрепровождения на экстравагантные туалеты, популярные среди молодых повес. Джулиан, будучи на три года младше его, втайне полагал, что он выглядит нелепо в любом обличье; сам же юноша инстинктивно тянулся к Уолдо. Для Джулиана сэр Уолдо воплощал в одном лице и выдающуюся личность, пребывать в обществе которой было весьма почетно; и старшего брата, учившего его ездить верхом, управлять коляской,